

К 50-летию Свердловского театра оперы и балета имени А. В. Луначарского

ПОЕТ ИВАН КОЗЛОВСКИЙ

КЛАСС, где проходит репетиция, угадать не трудно. Голос, знакомый по радио, пластинкам, многочисленным записям, наполняет пустые коридоры, лестницы театра. А многие свердловчане слышали его отсюда, со сцены оперного, больше тридцати лет назад. И вряд ли забудутся образы Лоэнгрина и Ленского, Фауста и Вертера, созданные Иваном Семеновичем Козловским.

Сейчас он снова в Свердловске. Празднование 50-летия оперного театра имени Луначарского проходит с участием народного артиста СССР И. С. Козловского. Идет репетиция оперы «Лоэнгрин».

Но Иван Семенович не только исполнитель. Скорее он режиссер, постановщик и даже дирижер этого спектакля. Требовательно, настойчиво заставляет он еще и еще раз повторить то фразу из арии, добиваясь выразительного звучания, то точности, лаконичности движений. Он одинаково внимателен, будь перед ним ведущая актри-

са или просто мимист. Тактично, умело, но неумолимо он добивается красоты исполнения. Его работа была наглядным подтверждением словам, сказанным позднее:

«Класс вокала—самый сложный, требующий труда и труда. Здесь нельзя надеяться на «авось пройдет». Сто человек не заметят фальши, а сто первый обнаружит».

Три часа идет репетиция, репетиция трудная. А затем Иван Семенович с той же неутомимостью, с той же энергией обсуждает оформление сцены, костюмы, освещение.

Я шла сюда за интервью. Пятнадцатиминутным, не больше. А провела часы. И увидела то, что вряд ли узнала бы из разговора, даже откровенного, с И. С. Козловским. Я увидела «кухню» большого артиста, тот неизмеримый труд, о котором не всегда догадываются зрители, сидящие в зале.

Когда все дела были утрясены, мы разговорились об искусстве, об условности на сцене. Говорил, в основном, Иван Семенович. Я слушала. И вдруг заметила на столе школьный портфель. Необычным был его вид, истертый, совершенно потерявший первоначальный цвет, в заплатках, аккуратнo пришитых крупными стежками суровых ниток. Видимо, немало испытаний досталось на его долю. Верный спутник и немой свидетель бурных оваций и суровой критики, актерских взлетов и неудач.

— Это портфель свердловский,—и, замечив удивленный взгляд, Иван Семено-

вич поясняет:—Мне подарили его товарищи по сцене в бенефис, в 1924 году. И он мне очень дорог.

— Иван Семенович, чем памятен и дорог вам Свердловск?

Певец на минуту задумывается.

— Я расскажу вам такую историю. В Екатеринбурге работал Александр Яковлевич Альтшуллер. Товарищ Собиннов по филармоническому училищу. Человек большой культуры и богатого сердца. Он был организатором, антрепренером, певцом, режиссером оперного театра. Ему приходилось убеждать богатых меценатов покровительствовать искусству. У него был неплохой баритон. Но любителям сцены он запомнился лишь в партии Риголетто. Низкий рост не позволял иметь более широкий репертуар. Свои последние дни Александр Яковлевич закончил в суфлерской будке Большого театра.

Он жил искусством, бескорыстно любил его и даже тогда, когда зритель не видел артиста, отдавал искусству все, что мог.

Вот эти заповеди я впервые узнал здесь. Окруженный такими людьми, как В. Лосский, В. Бердяев, Б. Баратов, И. Палицын, Т. Бонова, Ф. Мухтарова, людьми, влюбленными в искусство, я не мог не стать артистом. И если бы Свердловск находился за 10 тысяч километров от Москвы, я все равно приехал бы сюда. Первая сцена, как первая любовь, всегда дорога и близка.

Т. КУРАШОВА.